

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНИХ ИМЕННЫХ КЛАССИФИКАЦИЙ

Т.Ю. Казанцева

Аннотация. Многочисленные и разнообразные языки индоевропейской семьи некогда представляли собой лингвистическое целое и восходили в глубокой древности к существовавшему общему для них всех праязыку. Реконструкция в праиндоевропейском имеет давнюю традицию, в связи с этим рассматривается вопрос о маркировке одушевленного класса имен. Происхождение и разнообразие основообразующих суффиксов являются отражением древней именной классификации.

Ключевые слова: древнегерманские языки; лингвистическая реконструкция; основообразующие форманты; имена активного класса.

В исторически засвидетельствованные эпохи индоевропейских языков именная классификация уже не ощущалась как живая категория, поэтому реконструкция классов имен является затруднительной задачей. Критерии отнесения слова к тому или иному типу основы не всегда устанавливаются достаточно четко. В любом индоевропейском языке, древнем или современном, можно легко найти реликты исчезнувших систем и классов, и эти реликты восходят к разным эпохам истории языка. Такие пережитки, свидетельствующие о древнейшем состоянии языка, позволяют восстановить это состояние хотя бы частично.

По мнению А.Е. Манькова [1. С. 92], в индоевропейских языках именной класс представляет собой такую группу существительных, принадлежность которых к единому словоизменительному типу обусловлена их значением. Основанием же для выделения именных классов является наличие семантической мотивации в принадлежности существительных к тому или иному типу склонения.

Происхождение и развитие морфологической структуры индоевропейского имени невозможно рассматривать отдельно от тех лексических категорий, которые, вероятнее всего, и послужили одной из главных причин возникновения и происхождения индоевропейского склонения. Анализ оформления падежной системы в любых индоевропейских языках показывает значительное разнообразие типов склонения, и каждый тип в зависимости от основообразующего суффикса характеризуется особым оформлением падежей. Причины такого отсутствия единства уходят корнями в раннеиндоевропейское состояние, а возможно, и к доиндоевропейской эпохе. Можно согласиться с мнением А. Мейе о том, что «исторически объяснить индоевропейский язык возможно только

тогда, когда будет доказано его родство с другими языковыми семьями, когда окажется возможным установить системы соответствий, при помощи которых возможно составить представление о доисторическом периоде» [2. С. 81].

При реконструкции древних именных классификаций и семантики суффиксов основная проблема заключается в многослойности этого явления. Существование какой-либо классификации довольно сложно отнести к определенному этапу развития индоевропейского языка по той причине, что на протяжении нескольких тысяч лет, когда складывались данная классификация и система склонения, возникали какие-то новые элементы, они сосуществовали с более ранними, накладывались на них, перекрещивались, элиминируя старые типы только до определенной степени. В течение всей истории индоевропейских языков форманты, вероятно, могли изменять свою семантику.

В основе большинства именных классификаций лежит тип основообразующего суффикса. Происхождение и разнообразие основообразующих суффиксов являются отражением древней именной классификации, характеризовавшей индоевропейские языки в период, предшествовавший оформлению системы склонения, а может быть, также и системе спряжения, так как именные и глагольные основы частично совпадают по своим формантам. Например, так называемый тематический гласный с его чередованием *e/o* совпадает с показателем именных основ на *-o* [3. С. 49]. Деление имен на тематические и атематические основы основывается на том, оканчивалась ли основа имени на чередующийся гласный **e/o* или нет. К тематическим основам, т.е. с таким чередованием, относятся лишь индоевропейские *o*-основы; все остальные являются атематическими. Такое традиционное деление предлагают многие индоевропеисты, в частности А. Мейе [2. С. 200]. Однако в германских языках противопоставление тематических и атематических основ постепенно исчезает.

Л.П. Якубинский считает, что «в основе первоначального деления имен на деklinационные группы должен был лежать какой-то семантический принцип, какое-то содержание, формой выражения которого и были наши различные основы склонения» [4. С. 165].

В современной индоевропеистике принято считать, что многообразие основообразующих суффиксов унаследовано от древнейших этапов истории развития языка. От такого периода, когда индоевропейский язык характеризовался активным, эргативным или даже классным строем [5. С. 214; 6. С. 424]. Эту точку зрения поддерживают Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов [7]. В своей реконструкции праиндоевропейского они исходят из того, что это был язык активной типологии с отдельными эргативными чертами.

В дальнейшем Ю.С. Степанов [8] развил теорию Гамкрелидзе – Иванова, сконцентрировав внимание на периоде перехода индоевропейских языков от активного строя к стандартному номинативному. Кроме того, его работа содержит анализ понятий «активный / неактивный» с точки зрения современной лингвистической семантики. Согласно Ю.С. Степанову, категория активности «градуальна»; она может быть описана с помощью шкалы «лица / люди / живые существа / неодушевленные предметы / стихии / абстрактные понятия» [8. С. 14]. Чем левее находится означаемое имени, тем оно активнее, т.е. заметнее его воздействие на окружающий мир.

В основе подобных классификаций, как отмечает А.В. Десницкая, «лежит дифференциация всех предметов окружающего мира (с включением абстрактных понятий) на группы по определенным признакам в зависимости от места, занимаемого ими в процессе деятельности человеческого коллектива и познания им окружающей действительности» [3. С. 49]. Так, например, в языках банту насчитывается от 13 до 18 классов, куда входят абстрактные понятия, а также единичные, парные, множественные, классы животных, людей, деревьев и т.д. Однако, как отмечает А.В. Десницкая, даже в этих языках единый семантический признак, характеризующий какую-либо группу, не всегда устанавливается достаточно четко [3. С. 50].

В настоящее время сложно проникнуть в характер мышления древнего человека, потому что его картина мира очень сильно отличается от картины мира современного человека. Дж. Лакофф [9] описал модель обобщения в одну группу слов, семантика которых имеет мало общего. Он объясняет группировку таких понятий, как «женщина», «солнце», «опасные предметы», «крапива», «сверчок» в одну языковую категорию наличием общей семы «огонь, жжение» и показывает, что данная модель базировалась на переносных значениях, олицетворениях и ассоциациях [9. С. 13, 15, 21]. Работа Дж. Лакоффа позволяет предположить, что подобные процессы могли происходить у древних индоевропейцах. Поэтому задача современного исследователя заключается в том, чтобы понять, как древние воспринимали мир. Все это поможет раскрыть тенденции развития языка и изучить остаточные явления в нем: последние позволят реконструировать картину мира древнего человека.

Попытки реконструировать древнюю семантику основообразующих суффиксов предпринимались неоднократно; многие из них можно считать вполне убедительными и логичными. Клод Чехофф [10] полагает, что хеттский основообразующий суффикс *-ant-* выполняет функцию перевода имен в разряд одушевленных. В типологических параллелях, которые приводит К. Чехофф, примечательно то, что во многих языках эргативного типа неодушевленные и одушевленные имена маркируются

по-разному. Исследуя хеттские имена на *-ant*, Э. Бенвенист [11] и Э. Ларош [12] указывают на то, что данные имена обозначают активно действующие сущности. Вслед за Э. Бенвенистом К.Г. Красухин [13. С. 26–27] определяет функцию суффикса *-ant-* как персонифицирующую, которая проявляется прежде всего в магических обрядах.

Одна из особенностей древних индоевропейских склонений существительных состоит в том, что они подразделялись на склонения имен с основой на гласные и на согласные. Оба класса имели свои формальные признаки. Существует мнение, что «само склонение зародилось у имен активного, одушевленного класса» [14. С. 92], а склонение существительных на гласные основы возникло позже [15. С. 227–228; 16. С. 266].

По мнению Г.А. Климова [15. С. 132, 138], языки активного строя, к каковым в глубокой древности принадлежали и индоевропейские, обладали весьма бедной системой склонения. Есть все основания предполагать, что делению индоевропейских существительных по родам предшествовала двухклассная система, т.е. противопоставление одушевленных, активных имен, обладающих склонением, именам инактивного класса. Г.А. Климов отмечает, что «эволюция многоклассного противопоставления существительных в бинарную оппозицию активного (“одушевленного”) и инактивного (“неодушевленного”) классов была засвидетельствована в истории целого ряда языков» [5. С. 270]. На это явление указывал А.П. Рифтин в отношении шумерского языка, в котором «многие грамматические классы» объединились «в два класса – активный и пассивный» [17. С. 142].

Среди явлений, охватываемых понятием «именные классификации», наиболее поздней является категория рода, и взаимоотношения рода грамматического и рода лексического – одна из наиболее дискуссионных проблем в индоевропеистике. Достаточно четкое соответствие рода природного (*sexus*) роду грамматическому (*genus*) во всех индоевропейских языках можно наблюдать лишь в отношении существительных, обозначающих людей и некоторых животных (главным образом, домашних). В отношении остальных слов, род, по выражению А. Мейе, – «одна из наименее логичных и наиболее неожиданных грамматических категорий» [18. С. 202].

Происхождение индоевропейской категории рода относится к одному из главных и наиболее трудных вопросов в сравнительно-историческом языкознании. Трудность заключается в том, что во многих случаях принцип отнесения существительных к тому или иному роду не виден. Реконструкция формирования категории рода связана с рассмотрением этимологии формантов (суффиксов), которые становятся элементами индоевропейской системы классификационных противопоставлений. Поскольку формирование категории рода относится к доисторическому

периоду, его необходимо изучать путем анализа реконструированных форм, т.е. переносить метод внутренней реконструкции с засвидетельствованных языков на язык незасвидетельствованный, праиндоевропейский. А.Е. Маньков приводит следующее определение категории рода в реконструированном праиндоевропейском: «Это морфологическое выражение приписываемого денотатам пола. С диахронической точки зрения роды исторических индоевропейских языков являются десемантизированными именными классами» [1. С. 92].

Польский лингвист Е. Курилович [19] устанавливает правило для существительных, род которых немотивирован. Суть его состоит в том, что в момент формирования рода эти существительные принимают род тех существительных, с которыми функционально чередуются. По его мнению, «не следует искать спасительного объяснения этому в мифологическом мышлении и олицетворении» [19. С. 208]. Однако позволим не согласиться с точкой зрения Е. Куриловича, поскольку объяснения нужно искать, и они в отношении многих слов уже найдены. Для восстановления определенных аспектов мировосприятия необходимо использовать данные лингвистической реконструкции. Именно «мифология являлась тем способом мыслительного освоения действительности, который был свойствен праиндоевропейской эпохе» [1. С. 81].

Учитывая особенности морфологической структуры древних индоевропейских языков, А. Мейе предположил, что трехчленной родовой системе классификации предшествовала двухчленная. По его мнению, средний род некогда противостоял не мужскому и женскому как двум самостоятельным родам, а как единому целому, впоследствии распавшемуся на два отдельных рода [20. С. 1–28]. А.Н. Савченко, говоря о грамматической структуре имени в праиндоевропейском, предполагает, что «имена на этой ступени развития разделялись на два класса: активный и пассивный» [21. С. 74]. Существенно мнение К.Г. Красухина о маркирующем признаке активности по сравнению с инактивностью [13. С. 20].

Такое деление имен на два класса (общего, или одушевленного, и среднего, или неодушевленного), по мнению М.М. Гухман [22], наиболее прозрачно выступает в хеттском языке. Она даже допускает, что возведение «индоевропейской трехродовой системы к делению имен на одушевленные (активные, общий род) и неодушевленные (пассивные, средний род) означало вместе с тем их подключение в отдаленном прошлом к разновидности классной типологии» [22. С. 200].

Группировка существительных в «одушевленные» и «неодушевленные» классы была свойственна не только языкам классного типа, но и начальному этапу языков активного строя. Г.А. Климов отмечает, что «эволюция многоклассного противопоставления существительных в бинарную оппозицию активного (“одушевленного”) и инактивного (“не-

одушевленного») классов была засвидетельствована в истории целого ряда языков» [5. С. 270].

В ряде языков банту, где существует большое количество классов существительных, и сейчас можно наблюдать тенденцию группировки существительных в эти два класса, что, видимо, связано с разрушением классов, с исчезновением их четкого семантического деления. Например, в языке лингала наблюдается противопоставление по признаку одушевленности / неодушевленности I–II классов существительным III–IV классов. К I и II классам относятся имена, обозначающие лица, а также предметы, одухотворенные человеком; к III классу – абстрактные понятия. Остальные классы очень трудно связать с каким-либо одним значением [23. С. 35]. Согласовательным классам в языках банту посвящены работы Н.В. Охотиной [24, 25], из которых можно заключить, что большинство классных показателей представляет краткие местоименные формы. Так, например, в языке суахили такие показатели являются несамостоятельными местоимениями, выступающими в виде суффикса, и встречаются в двух первых согласовательных классах, а в языке зулу присутствует полный набор несамостоятельных местоимений по всем согласовательным классам [24. С. 9]. Н.В. Охотина считает такие несамостоятельные местоимения вариантами личных самостоятельных местоимений [24. С. 11]:

Личные самостоятельные и несамостоятельные местоимения

Класс	Личные самостоятельные местоимения	Несамостоятельные местоимения
III, VI	<i>wona</i>	<i>-wo</i>
IV, IX	<i>jona</i>	<i>-jo</i>

В какой-то степени сравнение с кетским языком может помочь восстановить картину праиндоевропейского языка, потому что именно в кетском наряду с зачатками деления по родам сохранилось более древнее деление существительных на классы: одушевленный / неодушевленный или вещный / невещный [26. С. 63–64].

Однако четкую грань между объединением классов существительных по признаку одушевленности / неодушевленности и активности / инактивности провести очень трудно, ибо эти категории развивались постепенно, вбирая в себя все новые группы имен и как бы пронизывая одна другую. В отношении праиндоевропейского М.М. Гухман допускает существование в системе существительных «бинарной оппозиции активного и инактивного классов, соотнесенной и частично перекрываемой противопоставлением существительных по признаку одушевленность / неодушевленность» [22. С. 229].

В тех языках, в которых категория рода сохранилась, и сейчас можно наблюдать очень сложные переплетения этой категории с выражением в имени противопоставления по полу, личности – неличности, одушевленности – неодушевленности [27. С. 21–23]. Т.В. Гамкредидзе и Вяч.Вс. Иванов [7] указывают на сочетание различных признаков у активных существительных, помимо выражения одушевленности.

По мнению А.Н. Савченко, для праиндоевропейского «термины «одушевленный» и «неодушевленный» неточны, потому что к активному классу принадлежали также многие имена, обозначающие неодушевленные предметы» [21. С. 74–90]. А.В. Десницкая считает неверным подходить к семантике двухчленной классификации в каждом отдельном языке с единой формулой: «одушевленные – неодушевленные», «активные – пассивные», «разумные – неразумные» [28. С. 67].

В свою очередь термины «одушевленный / неодушевленный» и «активный / неактивный» имеют право на существование. Хотя семантические основы этого деления были уже потеряны, но его формальные признаки, основообразующие форманты (суффиксы), еще можно выделить. Поэтому, употребляя данные термины, мы будем подразумевать одушевленные классы имен в более широком смысле, т.е. имена, включающие также признаки активности. Большого внимания заслуживают исследования готской языческой лексики Н.А. Ганиной [29] и О.А. Осиповой [30], которые во многом переключаются с нашим подходом к анализу древнегерманских существительных со сложными основообразующими формантами. Следует согласиться с точкой зрения Н.А. Ганиной о том, что «языковые данные открывают уникальную возможность наиболее достоверной реконструкции существенных черт мировоззрения и менталитета человека ушедших эпох» [29. С. 45].

«В индоевропейском все, что движется, все, что действует, тем самым попадает под понятие “одушевленного”» [2. С. 345]. Интересна мысль А. Мейе о том, что «если исходить из мышления полудивилизованного человека, можно почти всегда объяснить, почему то или иное слово относится к “одушевленному” или “неодушевленному” роду» [2. С. 346]. Г. Корбет [31] придерживается такой же точки зрения. К «одушевленному» роду А. Мейе относит и «имена, обозначающие активные силы» [2. С. 346]. Описание «одушевленного рода» можно дополнить мнением Дж.О. Керма [32] о том, что древние индоевропейцы персонифицировали гораздо больше неодушевленных вещей. К ним относятся такие имена, как солнце, луна, земля, небо, море, звезды, кустарники, растения, цветы, деревья, реки, ветры, вода, огонь, действия, процессы и т.д. По форме одушевленные имена отличались от неодушевленных, однако они не различали пола [32. С. 553]. Возможно, имена одушевленного класса отличались от неодушевленного не только своей семантикой, но и определенной маркировкой. Поэтому, обращая особое внимание на

группы существительных, обозначающих одушевленные денотаты, следует считать важным их маркированность как один из признаков, по которому древние относили их к классу одушевленных. Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов полагают, что к активным (одушевленным) денотатам древние индоевропейцы относили не только людей, животных, деревья и растения. «Помимо имен с естественно-активными денотатами к активному классу относятся, очевидно, и такие “неодушевленные” объекты, которые мыслятся носителем языка как выразители активного начала, наделенные способностью к активной деятельности. К этим именам, относимым к активному классу, принадлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: рука, нога, глаз, зуб и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и абстрактных понятий: ветер, гроза, молния, осень, вода, река, рок, судьба, доля, благо и др.» [7. С. 274].

О.А. Осипова [30], развивая идею Ф. Шпехта [33] о группах существительных, обозначающих предметы, тесно связанные с человеком и его жизнедеятельностью, в своей работе описала данные группы. В их число вошли: 1) созвездия, обозначение времени, окружающая природа, небо, земля, огонь, вода, море, камни, горы, пещеры, ямы, дороги и др.; 2) окружающий человека мир животных и продукты этого мира; 3) мир деревьев и растений и изделия из них; 4) части тела; 5) семья, дом, жилище, орудия и т.д. Слова, обозначающие предметы в перечисленных группах, принадлежали к основам с консонантными основообразующими формантами, в которых был представлен наиболее древний слой индоевропейского словаря. «Древние индоевропейцы либо одушевляли, либо персонифицировали данные реалии» [30. С. 25–26].

Поскольку деление на одушевленные и неодушевленные предметы в силу различных культурных и религиозных представлений у индоевропейца могло быть иным, поэтому, по мнению К. Шилдз, некоторые имена (ветер, солнце, мороз и т.д.), обозначающие неодушевленные предметы, «могут выступать в функции агенса» [34. С. 226–227]. А.Е. Маньков продолжает мысли К. Шилдз и подчеркивает, что любое «активное действие, производимое предметом, кажется целенаправленным, а сам предмет представляется разумным и одушевленным и этими качествами подобным человеку. Одушевление в данном случае представляет собой не метафору, а является отношением к вещи как к одушевленной, живой в буквальном смысле» [1. С. 82].

В лингвистической литературе отмечается, что существительные, относящиеся к одушевленному классу, входят в основной фонд древней индоевропейской лексики. Так, А. Мейе называет следующие группы этой лексики: а) названия родства; б) названия животных и растений;

в) названия некоторых вещей (топор, сосуд, металлы и т.д.); г) части тела [2. С. 391–408]. Более детальная группировка имен семантического словаря индоевропейцев дана в книге Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [35].

Необходимо связать социальную значимость соответствующих денотатов с именами одушевленного класса, и в этом убеждает особое отношение аборигенного населения Сибири ко многим вещам, играющим важную роль в их жизни. Как показали исследования Г.К. Вернера [36. С. 34–45], в кетском языке к одушевленному классу относятся имена, обозначающие социально значимые вещи. Что же касается языков активной типологии, то в них происходит постепенная перестройка оппозиции по признаку общественно активных денотатов общественно инактивным [5. С. 211–212].

Интересен тот факт, что во многих уральских языках такие существительные наделены лично-притяжательными суффиксами, т.е. присоединяют посессивные форманты [37. С. 20]. В тех финно-угорских языках, где категория посессивности (принадлежности) имеет материальное выражение, она, как правило, связана с существительными только определенной семантики [38. С. 268]. А.А. Ким [39. С. 74–83] детально изучила лично-притяжательные суффиксы в селькупском, одном из уральских языков, и показала, что данные суффиксы принимают субстантивы, обозначающие родственные или близкие к ним отношения, части тела человека или животного, предметы домашнего обихода.

О.А. Осипова изучила сходства данных групп существительных с группами существительных в древнегерманских языках, относящихся к консонантным склонениям [30. С. 20, 40, 148]. В языках активной типологии они во многом напоминают существительные, способные принимать формы органической (неотторжимой) принадлежности [5. С. 149, 153; 33. С. 135; 40. С. 187].

Таким образом, проблема лингвистической реконструкции именных классификаций справедливо считается одной из самых сложных в сравнительной грамматике. В склонении древнегерманских существительных отражение категории одушевленности / неодушевленности можно связать с употреблением в них основообразующих формантов, т.е. наиболее древних маркеров именных классов, которым отводится особая роль. Поскольку основообразующие форманты играли классифицирующую роль в имени, как и в глаголе, вполне вероятно, что данные форманты явились основой классификации имен по определенному семантическому признаку [4. С. 165; 41. С. 204–210].

Древнегерманские языки сохраняют лишь следы некогда существовавшей бинарной оппозиции в делении существительных на одушевленные и неодушевленные при помощи отнесения их к соответствующему склонению. Поэтому группировка существительных на склонения с консонантны-

ми и гласными основами могла быть отражением перестройки классного деления существительных по более абстрактному признаку – одушевленности / неодушевленности. Одушевленность считается универсальной понятийной категорией, которая существует независимо от ее реализации в любом конкретном языке и может не только выражаться определенными средствами, но и указывать на ее концентрацию [42. С. 185].

Литература

1. *Маньков А.Е.* Происхождение категории рода в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. М. : Наука, 2004. № 5. С. 79–92.
2. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1938. 510 с.
3. *Десницкая А.В.* Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Известия АН СССР. ОЯЛ. 1941. № 3. С. 49–55.
4. *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953. 368 с.
5. *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М. : Наука, 1977. 320 с.
6. *Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М. : Высш. шк., 1974. 410 с.
7. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Ч. 1. 428 с.
8. *Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. М. : Наука, 1989. 248 с.
9. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов. Женщины, огонь и опасность // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. В.А. Звегинцева. М. : Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 12–51.
10. *Tchekhoff C.* Le double cas-sujet des inanimés: un arhaïsme de la syntaxe Hittite // Bulletin de la société de linguistique de Paris. 1978. Vol. 73.
11. *Benveniste E.* Les substantives -nt du Hittite // Bulletin de la société de linguistique de Paris. 1962. Vol. 57.
12. *Laroche E.* Un 'ergatif' en indo-européen // Bulletin de la société de linguistique de Paris. 1962. Vol. 57.
13. *Красухин К.Г.* Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М. : Наука, 2005. 239 с.
14. *Тронский И.М.* О доминативном прошлом индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967. С. 91–94.
15. *Барроу Т.* Санскрит. М. : Прогресс, 1976. 411 с.
16. *Hirt H.* Geschichte der Deutschen Sprache. München, 1925. 299 s.
17. *Рифтин А.П.* Категория видимого и невидимого мира в языке // Ученые записки Ленинградского университета. Сер. филол. наук. 1946. Вып. 10. С. 136–152.
18. *Meillet A.* Linguistique Historique et Linguistique Générale. Deuxieme edition II. P., 1926. 351 p.
19. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М. : Иностран. лит., 1962. 456 с.
20. *Meillet A.* Essai de Chronologie des Langues Indo-Européennes // Bulletin de la société de linguistique de Paris. 1931. Vol. 32. P. 1–28.
21. *Савченко А.Н.* Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов / отв. ред. В.М. Жирмунский. Л. : Наука, 1967. С. 74–90.
22. *Гухман М.М.* Историческая типология и проблема диахронических констант. М. : Наука, 1981. 248 с.

23. *Топорова И.Н.* Система именных классов в языке лингала // Вопросы африканской филологии. М. : Наука, 1974. С. 15–35.
24. *Охотина Н.В.* Статус конструктора в языке суахили // Вопросы африканской филологии. М. : Наука, 1974. С. 3–14.
25. *Охотина Н.В.* Согласовательные классы в восточных и южных языках банту. Коммуникативный статус и грамматическая структура. М. : Наука, 1985. 184 с.
26. *Дульзон А.П.* Кетский язык. Томск : Изд-во ТГУ, 1968. 636 с.
27. *Аксенов А.Т.* К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // Вопросы языкознания. М. : Наука, 1984. № 1. С. 14–25.
28. *Десницкая А.В.* Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Сравнительное языкознание и история языков. Л. : Наука, 1984. С. 57–70.
29. *Ганина Н.А.* Готская языческая лексика. М. : Изд-во МГУ, 2001. 176 с.
30. *Осипова О.А.* Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков. Томск : Изд-во ТГПУ, 2007. 312 с.
31. *Corbett G.G.* Gender. Cambridge, 1991. 325 p.
32. *Curme G.O.* A Grammar of the English Language: Syntax. N. Y., 1931. Vol. 3. 616 p.
33. *Sprecht F.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen : Vadenhock and Ruprecht, 1947. 423 s.
34. *Шилдз К.* Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. С. 224–250.
35. *Вернер Г.К.* Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. М. : Наука, 1974. № 1. С. 34–45.
36. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Ч. 2. С. 439–1328.
37. *Майтинская К.Е.* К происхождению местоименных слов в языках различных систем // Вопросы языкознания. М. : Наука, 1966. № 1. С. 15–25.
38. *Основы финно-угорского языкознания* (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / редкол.: В.И. Лыткин и др. М. : Наука, 1974. 483 с.
39. *Ким А.А.* Семантические основы сочетаемости лично-притяжательных суффиксов с именами существительными в селькупском языке // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск, 1981. С. 74–83.
40. *Уленбек Х.К.* Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки // Эргативная конструкция предложения. М., 1950. С. 186–207.
41. *Макаев Э.А., Кубрякова Е.С.* О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М. : Наука, 1971. С. 204–210.
42. *Comrie B.* Language Universals and Linguistic Typology. Chicago, Illinois, 1989. 264 p.

LANGUAGE RECONSTRUCTION OF ANCIENT NOMINAL CLASSIFICATIONS

Kazantseva T.Yu.

Summary. Indo-European languages preserve traces of the remote past. These traces can be found in the structure of ancient consonantal declensions. The language reconstruction has an old tradition. In this connection the process of animateness markedness is considered. The origin and variety of stem-building markers is a reflection of ancient nominal classifications.

Key words: Old Germanic languages; stem-building markers; language reconstruction; active nouns.